

А.В. ДЬЯКОВ

ИСТОРИЗМ ПОСЛЕ ИСТОРИИ: АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТМОДЕРН (Памяти Алана Манслоу)¹

Статья обращается к творчеству Кита Дженкинса и Алана Манслоу, с именами которых связана имевшая значительный резонанс программа реформирования академической историографии. Идеи этих авторов получили широкое распространение и долгое время представлялись потенциально революционизирующими благодаря эффективному сочетанию актуальных теоретических демаршей и академической практики, привлекающей молодых исследователей, стремящихся к отходу от идеологически окрашенной традиции историописания. Вместе с тем, принятие идей, исповедуемых Дженкинсом и Манслоу, в пространстве британской исторической науки объясняется сочетанием двух существенных факторов: во-первых, значительным сходством ряда постмодернистских установок, касающихся дискурсивных стратегий и вообще языка историка, с концепциями «лингвистического поворота» и деятельностью таких авторов, как Х. Уайт, а во-вторых, политической конъюнктурой в Великобритании рубежа тысячелетий, обеспечившей благоприятную почву для принятия «французской теории». Объясняя причины критической реакции на теоретическую и практическую деятельность Дженкинса и Манслоу в последнее десятилетие, автор выдвигает тезис об имплицитном принятии британской исторической наукой ряда привнесенных ими установок, сделавшихся частью ассоциирующегося с традицией теоретического дискурса, показывая, что за отказом от тех идей, которые пропагандировали эти авторы, в действительности скрывается их частичное усвоение, что открывает новую перспективу в истории историографии.

Ключевые слова: *историзм, историография, Кит Дженкинс, Алан Манслоу, постмодернизм, историческая эпистемология.*

Алан Манслоу принадлежит к числу тех авторов, что в значительной мере определяют интеллектуальный климат в области исторических и, шире, гуманитарных наук в последние десятилетия. Вместе с тем, отсутствие переводов в нашей стране преуменьшает масштабы его значения, а количество публикаций, так или иначе касающихся различных аспектов его творчества, непропорционально мало. Манслоу в каком-то смысле тал для исторической науки столь же важной фигурой, какой для развивающейся в рамках философских наук исторической эпистемологии был Мишель Фуко. Сравнение представляется вполне оправданным, поскольку этот британский историк практиковал постмодернистский подход, применяемый к историографии, и даже настаивал на необходимости деконструкции истории².

Странным образом после нескольких десятилетий уничтожающей критики историзма и видимого торжества релятивизма мы обнаруживаем насущную потребность в истории и исторической рефлексии. Еще более странным на первый взгляд может показаться, что самая критика

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

² Munslow 2006.

истории не привела к полной аннигиляции историзма, но, напротив, создала новые ниши для его существования и, быть может, подготовили его новое явление в интеллектуальном пространстве.

«Французская теория», пришедшая к нам не столько из Франции, сколько из Америки, где она получила подлинное признание, тогда как для французской академической среды ее главные представители так и остались маргинальными фигурами, в англо-саксонском интеллектуальном пространстве виделась желанной альтернативой пост-позитивизму. Многие интеллектуалы обратились к ней с таким энтузиазмом, что порой создавалось впечатление, будто постмодернистский способ рассуждать о вещах был чем-то абсолютно новым и прежде невиданным. Однако, хотя этому интеллектуальному тренду и пришлось встретить определенное сопротивление, вскоре выяснилось, что, если не обращать внимание на его отдающий фельетоном стиль, он вырастает из довольно старой научной традиции и, стало быть, может прижиться в академическом пространстве в качестве новой нормы, позволив даже этому пространству принять более соответствующий сегодняшней конъюнктуре облик. Впрочем, все это уже можно считать оставшимся позади, ибо постмодернизм в исторической науке стал постоянным компонентом, которому больше не приходится бороться за место под солнцем.

Постмодернистская историография М. Фуко получила такую популярность во многом благодаря тому, что опиралась на большую предшествующую традицию исторической эпистемологии и, в сущности, была ее частью Фуко, имея за спиной авторитет П. Дюэма, Л. Брюнсвика, Э. Мейерсона, Ж. Кавайе, А. Койре, Г. Башляра и Ж. Кангийема, мог свободно маневрировать, обращаясь к истории мысли, к политической истории, истории экономической и т.д., пользуясь при этом иммунитетом представителя философских наук от критики со стороны историков, но при случае заявляя, что философией не занимается. Та гибридная дисциплина, которую он утверждал в Коллеж де Франс и которую не очень удачно назвал «историей систем мысли», была скорее исторической, нежели философской, однако историки во Франции не слишком возражали, поскольку мало интересовались подобным ракурсом темы. Сам Фуко привлек даже считать, что в лице поздних представителей Школы Анналов имеет естественных союзников и был немало удивлен, когда оказалось, что они, со своей стороны, так не считают. К примеру, Ле Руа Ладюри, с которым они, кстати, вместе учились в лицее, нашел его книгу «Я, Пьер Ривьер...» чересчур узкой, к большой его обиде.

Британский неопозитивизм представлял собой традицию совершенно иного рода. Постоянное внимание к научному знанию приводило здесь к усердным поискам универсального языка науки, к разработке общих методологических оснований, но всегда оставалось по сути позитивистским, а не историцистским. Пристальный интерес к вопросам истории в англо-саксонской философии возникает сравнительно поздно

и носит спорадический характер. При таком положении вещей постмодерн просачивался в британскую философию медленно и приживался довольно плохо. Совсем иная ситуация сложилась в исторических науках, где тенденции, называемые на континенте постмодернистскими, издавна присутствовали, обходясь без этого наименования.

Кит Дженкинс³ в определенном смысле сделал постмодернистскую историографию если не академической нормой, то постоянным элементом исторической науки в Британии⁴. Именно с его именем связывают тенденцию воспринимать историю как разновидность литературы, для критического анализа которой самой приемлемой является исследовательская методология литературоведения⁵. Дженкинс солидаризировался со взглядами Ж.-Ф. Лиотара, характеризовавшего постмодерн как ситуацию общего недоверия к метанарративам, и Ж. Бодрийяра, который еще в 1980-е гг. заявил об «остановке истории» и о симулятивном характере любых происходящих после этой остановки событий. Британский историк, в свою очередь, заговорил о невозможности и дальше сохранять иллюзию исторического развития и какой бы то ни было телеологизм в истории, в силу чего опыт истории больше не может служить источником общественных ценностей или сообщать нам что-либо относительно законов общественного развития. В исторической науке Дженкинс выделил два регистра – верхний, составляемый великими мессианскими идеями (в терминологии Лиотара – метанарративами), и нижний, представляющий собой историческую науку в традиционном смысле (как соответствующую критериям позитивного научного знания). И то, и другое вызвали у него неприятие и представлялись ему архаичными и реакционными; студентам он говорил, что первым делом следует выяснить, чьи интересы отражает то или иное сочинение по истории, а уже потом задаваться вопросом о том, в какой мере оно отражает истинное положение дел. Авторы XIX столетия маскировали свою идеологическую ангажированность; современные историки тоже склонны прятаться за объективистскими штампами, которые необходимо разоблачить. И, поскольку совершенно устранить идеологическую составляющую из деятельности историка невозможно, нужно прибегнуть к прагматической иронии в духе Р. Рорти, что позволило ему не путать прошлое с создаваемой им самим картиной прошлого⁶.

В практическом отношении Дженкинс опирался на деконструктивизм Деррида, находя в нем пригодный для историка инструмент распознавания бинарных оппозиций (варварство/цивилизация и т.п.), при помощи которых идеологически ангажированный интеллектual выстраи-

³ Jenkins 2003.

⁴ Finney 2013, Icke 2013.

⁵ Lindenfeld 2003.

⁶ Jenkins 1995.

вает иерархию ценностей⁷. Обратившись таким образом к проблеме языка историописания, Дженкинс находит себе естественных союзников в лице Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. В самом деле, анализ «конфликта интерпретаций» ему незачем было искать у француза П. Рикера, поскольку его соотечественник Уайт уже написал о том, что выбор тропов неизбежно определяет оценочные суждения историка и самый его взгляд на исторический процесс. Что же касается Анкерсмита, этот голландский исследователь дал детализированное описание прошлого как конструкта, существующего исключительно в пределах нарратива и обретающего некоторое правдоподобие только в историческом тексте.

Анкерсмит полагает, что мышление историка всецело нарративно, хотя мы и требуем от него видимого соответствия критериям «научного» знания. Другими словами, историк – это, скорее, литератор, чем исследователь естественнонаучного образца, что, с одной стороны, освобождает его от многих штампов академизма, но с другой – налагает на него ответственность за те выразительные средства, которыми он пользуется. Этот освободительный демарш Анкерсмита Дженкинс считал необходимым средством от академической косности. Но, быть может, в большей степени он ориентировался на Р. Рорти, который в рамках философского дискурса выдвинул ряд положений, на взгляд Дженкинса, весьма полезных историкам, ищущим пути освобождения от старых рамок, выработанных в идеологической системе старого капитализма.

Рорти во многом солидаризовался с воззрениями, высказанными в пространстве исторической эпистемологии, но, принадлежа к традиции прагматизма, наиболее пристальное внимание уделял логике пропозиций: всякий исторический период имеет собственные правила построения суждений, и никакого универсального свода правил или единственно правильного дискурса не существует. Да и человеческое мышление вообще тяготеет не к умозаключениям, а к метафорам. То, что мы называем истиной, есть лишь чересчур буквально понятая метафора. Постмодерн со свойственными ему скептицизмом и иронией разрушает метафоры, освобождая интеллектуала от мифов о строгой науке и открывая перед ним перспективы прагматического выбора. Вслед за Рорти Дженкинс говорит, что необходимо создать «эмансипированную историю», в которой нет места претензиям раскрыть реальность прошлого, зато есть прагматическая оценка деятельности историков.

Идеи Дженкинса, конечно же, не были немедленно приняты научным сообществом, но уже в 1990-е стали чем-то привычным, а его призыв отказаться от претензий историка на достоверную репрезентацию событий, независимую от идеологических комплексов и конъюнктуры, выглядели вполне основательными. А. Макфи заметил даже, что существует круг идей, относительно которых согласны между собой и традиционалисты, и постмодернисты, хотя если каждый из них додумает

⁷ Егоров 2021.

свою мысль до логического конца, окажется, что думают они все-таки по-разному⁸. Вместе с тем, тотальный релятивизм постмодерна и его отказ от какой бы то ни было нормативной регуляции научного дискурса хоть и были привлекательны для студентов, в академическом пространстве не могли занять место новой идеологии. Реакция на постмодернистские декларации, заявления о том, что иронический демарш против науки не имеет будущего, и просто остался в прошлом, не заставили себя ждать. В последнее десятилетие многие авторы склонны воспринимать Дженкинса как фигуру ушедшей эпохи, преодолеваемой под девизом «пошалили – и хватит, теперь давайте вернемся к серьезной науке».

Однако, несмотря на любимые постмодернистами заявления о том, сколь ничтожна роль личности в истории, если эта личность не венчает собой мощную волну, постмодернистские идеи в британской исторической науке отнюдь не утратили своей популярности благодаря тому, что место отошедшего от Дел Дженкинса занял Алан Манслоу. Манслоу начал с того же, на чем остановился его предшественник, вместе с которым они издавали журнал «Rethinking History: The Journal of Theory and Practice». Манслоу вновь заявил об актуальности идей Х. Уайта, однако его скептицизм носит вполне умеренный характер. Он признает существование действительно имевшего место прошлого, о котором историки могут иметь более или менее достоверное знание. Таким образом, он не столь радикально, как Дженкинс, отрицает постижимость прошлого характеризуя свою позицию как «множественный скептицизм», призванный преодолеть целую историческую традицию, основанную на предрассудках прошлого. Несмотря на то, что историческая наука находит вполне достоверные единичные факты из прошлого, всякая попытка включить их в единый нарратив приводит к созданию ложной картины минувшего, основанной к тому же на вере в то, что это минувшее, само по себе уже обладает некоторым интеллигибельным смыслом. Так возникают условные конструкции, заменяющие нам картину прошлого и не имеющие отношения к исторической действительности. Традиция эмпиризма, а за ней и аналитическая философия сформировали определенный тип мышления, от которого истории никак не удастся избавиться, а именно, ретроспективный взгляд, накладывающий на картину прошлого опыт существования историка в рамках определенного нарратива.

Нужно сказать, что Дженкинс и Манслоу выбрали весьма эффективный путь пропаганды своих идей: не полагаясь на долгий путь публикации монографий, десятилетиями дожидаящихся своего читателя, они транслировали свои идеи, во-первых, на страницах собственного журнала, быстро ставшего довольно известным в Великобритании, а во-вторых, преподнося их *ex cathedra* студенческой аудитории, что позволило им быстро обзавестись многочисленными учениками и последователями. Слабой стороной такой стратегии мог бы оказаться уход авто-

⁸ MacFie 2010.

ров с академической работы, однако, когда Дженкинс закончил свою академическую карьеру, его место немедленно занял Манслоу, что обеспечило возможность передачи идей этих авторов в академическом пространстве на протяжении нескольких десятилетий. Во все времена успех того или иного ученого зависит от его умения обзаводиться союзниками и учениками, но столь же значима готовность аудитории к восприятию его взглядов. В данном случае постмодернистские идеи упали на благодатную и хорошо взрыхленную почву. Кроме того, в 1990-е теоретическая деятельность Дженкинса и Манслоу представлялась революционизирующей и, естественно, привлекала внимание всех, кто подустал от атмосферы традиционности. Когда же постмодернизм сам сделался привычным предметом академической обстановки, стала исчезать и его привлекательность для молодых исследователей. Все это стоит учитывать, когда мы говорим об успехе Дженкинса и Манслоу: их идеи обладали значительной новизной, но не были чем-то совсем уж неведомым для исторической науки, и в то же время, попытки их критики обусловлены не столько их предполагаемой теоретической слабостью, сколько вполне естественной реакцией на доктрину, некогда обладавшую реформистским потенциалом, но затем ставшую своего рода нормой.

Идеи «лингвистического поворота», на рубеже тысячелетий сделавшиеся привычной составляющей университетской науки, сами по себе не могли дать запал для новой критики традиционной истории. Манслоу опирался на них как на привычную составляющую англосаксонского академического дискурса, дополняя их «французской теорией», все еще сохранявшей, да и теперь еще не вполне утратившей свой маргинальный статус. Вместе с тем, идеи этой последней оказались созвучны тем, что уже приобрели хождение в англосаксонской историографии благодаря деятельности Х. Уайта. С одной стороны, «французскую теорию» и все, что она могла дать историкам, удавалось представить не как разрыв с традицией, но как течение, имеющее аналоги на британской почве и потому в целом приемлемое, с другой, будучи в значительной степени корпусом идей, импортируемых из континентальной традиции, она давала степень новизны, необходимую для того, чтобы считаться чем-то существенно новым.

«Лингвистический поворот» сделал для интеллектуалов привычной мысль о том, что язык всегда непрозрачен, действует по собственным закономерностям и всегда заранее задает если не направление и способ мысли, то, во всяком случае, определенные пресуппозиции, ведущие к определенной идеологической позиции. Однако это движение, развивавшееся в рамках неопозитивистской программы, было ориентировано на методологию естественных наук, тогда как науки гуманитарные интересовали его в последнюю очередь. «Французская теория» изначально была ориентирована на осмысление политической истории и несла в себе радикальный потенциал преобразования историографии.

Высказывая во многом созвучные англосаксонским идеи, она непосредственно обращалась к проблемам историографии и языка истории, имея своим потенциальным союзником знаменитую «школу Анналов».

Дженкинс и Манслоу пошли еще дальше, добавив взрывной третий компонент, связавший воедино анализ языка и историческую эпистемологию и направивший получившийся микс в новом направлении. Этим третьим элементом стала политическая критика, представившая традиционную историю едва ли не служанкой буржуазной идеологии, которую по ошибке или в силу конъюнктурных соображений поддерживают и многие «левые». Таким образом, предложенная этими авторами ревизия исторического дискурса приобрела несколько провокационный характер. Многие исследователи творчества Дженкинса и Манслоу впоследствии небезосновательно упрекали их в стремлении представить научные дискуссии (к тому же, большей частью уже оставшиеся в прошлом) как радикальную борьбу с выраженным политическим оттенком. Возможно, здесь и впрямь было некоторое преувеличение, порожденное стремлением Манслоу представить историю историографии как противостояние двух неизменно присутствующих в научном мире тенденций – эмпирической и нарративистской⁹.

Разрушительный пафос деятельности Дженкинса и Манслоу можно назвать несколько запоздалой реакцией на происходившее в 1960-1970-е гг. в континентальной традиции. Запоздалой, во-первых, в теоретическом отношении: на континенте пик моды на постмодернистский тип мышления пришелся на 1980-е годы, когда его стала принимать и Британия в лице таких авторов, как Т. Иглтон¹⁰, С. Хит, Э. Истоуп¹¹ или Р. Уильямс. Во-вторых, запоздалым было распространение постмодернистских тенденций в исторических науках: даже во Франции историки в значительной мере игнорировали невиданный успех таких фигур, как М. Фуко или Ж. Бодрийяр, полагая, вероятно, что ничего радикально нового тем, кто знаком с идеями «Школы Анналов» они не несут, а напротив, могут лишь черпать из этого источника. И если в 1970-е интерес к постмодернизму подогревался его общественно-политической актуальностью, то на рубеже тысячелетий такой опоры у него уже не было, и попытка представить эти уже довольно привычные идеи революцией в гуманитарных науках могла иметь лишь ограниченный успех. Тем не менее, деятельность столь ярких личностей, как Дженкинс и Манслоу, сама по себе привлекала внимание интеллектуалов, стремящихся к реформированию исторических наук.

Самым интересным в этой истории, на наш взгляд, являются не идеи, проповедуемые Дженкинсом и Манслоу – их источники и даже прямые формулировки у других авторов обнаружить несложно, – а техническая сторона того успеха, который они снискали в академиче-

⁹ Munslow 2000.

¹⁰ Eagleton 1984.

¹¹ Easthope 1988.

ских кругах, и особенно та критика, которой их теоретическая деятельность подвергается сегодня. Пафос этой критики направлен на преодоление двух десятилетий релятивизма и постмодернистского стиля в историографии, отказ от которых должен вернуть историческую науку к прежним формам, которые мы привычно считаем строго научными и достойными принятия в академическом пространстве в качестве общего ориентира. В то же время, опыт постмодернистской метанойи не мог пройти бесследно, и сколь угодно уничижительная критика идей Дженкинса и Манслоу не может скрыть того обстоятельства, что англосаксонская историография эти идеи учла, усвоила и сделала столь привычной своей составляющей, что отныне уже не нужно затевать революции для их утверждения в чьем-либо сознании. Таким образом, нам открывается весьма интересная и теоретически важная картина функционирования историографии, пережившей опыт постмодерна, приобретшей, быть может, определенный иммунитет к нему, и вместе с тем, обогащенной его продуктивной интервенцией.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Егоров Д.И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу // Вестник Московского государственного областного университета. История и политические науки. 2021. № 2. С. 139-148. [Egorov D.I. Emansipaciya istorii po K. Dzhenkinsu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istoriya i politicheskie nauki. 2021. № 2. S. 139-148.]
- Соколова Л.Ю. Историческая эпистемология во Франции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. [Sokolova L.YU. Istoricheskaya epistemologiya vo Francii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1995.]
- Eagleton T. Literary Theory: An Introduction. Oxford, 1983; Eagleton T. The Function of Criticism. L., 1984.
- Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.; N.Y., 1988.
- Finney P. Keith Jenkins and the Heroic Age of British Postmodern Theory // Rethinking History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 172-190.
- Icke P. Keith Jenkins: A Very Particular Perspective // Rethinking History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 211-221.
- Jenkins K. On «What Is History?»: From Carr and Elton to Rorty and White. L.: Routledge, 1995.
- Jenkins K. Refiguring History: New Thoughts on an Old Discipline. L.: Routledge, 2003.
- Lindenfeld D. The Twists of the Linguistic Turn: A commentary on Graf and Jenkins // Rethinking History. 2003. Vol. 7. № 3. P. 403-412.
- MacFie A. On the Defence of (my) History // Rethinking History. 2010. N 14. P. 210.
- Munslow A. The Routledge Companion to Historical Studies. London; N.Y.: Rutledge, 2000.
- Munslow A. Deconstructing History. Taylor & Francis, 2006.

Дьяков Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, кафедра онтологии и теории познания, a_diakoff@mail.ru

Historicism after the History: Anglo-Saxon Historiography and Postmodern (In Memory of Alun Munslow)

The article refers to the oeuvre of Keith Jenkins and Alun Manslow, whose names are associated with a program of reforming academic historiography that had a significant resonance. The author demonstrates that the ideas of these two authors have become widespread in academic circles and have long been considered potentially revolutionary due to the effective combination of topical theoretical demarches and academic practice that attracts young researchers seeking to move away from the ideologically charged tradition of historical writing. At the same time, the author explains the acceptance of the ideas professed by Jenkins and Munslow in the space of British historical science by a combina-

tion of two significant factors: firstly, a significant similarity of a number of postmodernist attitudes regarding discursive strategies and the historian's language in general, with the concepts of the "linguistic turn" and the activities authors such as H. White, and secondly, the political situation in Great Britain at the turn of the millennium, which provided fertile ground for the adoption of the "French theory". Explaining the reasons for the critical reaction to the theoretical and practical activities of Jenkins and Munslow in the last decade, the author puts forward the thesis about the implicit acceptance by British historical science of a number of attitudes introduced by them, which have become part of the theoretical discourse associated with tradition, showing that behind the rejection of those ideas that were propagated these authors, in fact, hides their partial assimilation, which opens up a new perspective in the history of historiography.

Key words: *historicism, historiography, Keith Jenkins, Alan Manslow, postmodernism, historical epistemology*

Dyakov Alexandr Vladimirovich, *Dr. of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Ontology and Gnoseology, a_diakoff@mail.ru*